

Наталья
Романова

Паша
цветет
СИРЕНЬ

Наталия Романова

Пока цветёт сирень

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69871087

Пока цветет сирень:

Аннотация

Говорят любовь с первого взгляда – выдумки, но именно это и испытал тридцатидвухлетний Роман Уваров, стоя там, на пороге чужого дома, глядя на чужую девушку в облаке аромата сирени. Тогда цвела сирень.

Потом он сам себе объяснил произошедшее стереотипами – молодая девушка, весна, расслабление нервной системы после напряжённых полугодичных переговоров и работы, увенчавшихся успехом и, как бы банально это не было – отсутствием секса.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	37
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Наталья Романова

Пока цветет сирень

Глава 1

Роман без особого аппетита смотрел на пару аккуратных сырников на тарелке и чашку кофе. Подача, как в ресторане при хорошей гостинице. Красивая посуда, калиброванные сырники, капучино с пенкой.

Покрутил головой, попытался размять шею рукой, навязчивая, не такая и сильная боль в шее не проходила, мысль об обезболивающих пришла вместе с обещанием самому себе посетить врача на неделе.

– Ира, где мои таблетки?

Ирина, уже в деловом костюме, который неимоверно шёл его жене, с укладкой и лёгким макияжем на всё ещё очень молодом лице, отвлеклась от просмотра ленты новостей.

– Где обычно, – жена изогнула бровь, давая понять, что не следует её отвлекать от архиважных, утренних дел.

– А где у нас обычно хранятся мои таблетки? – настаивал на своём Роман.

– Рома, ты как ребёнок!

– Да, как ребёнок, принеси ребёнку таблетку, и он успокоится.

– А грудь тебе не дать, ребёнок? – фыркнула Ирина.

– Можно, – Роман расплылся в улыбке и невольно пробежался взглядом по вырезу светлой блузки, – даже нужно.

– У кровати, перед зеркалом, в косметичке, – Ирина пропустила игривую реплику мужа, отвлекшись на сообщение.

– Понял, – Рома прошлёпал босыми ногами по паркету, усмехаясь на ходу. Как, должно быть, он нелепо выглядит, уже в рубашке, галстуке, брюках от костюма итальянского дома моды, и босиком.

Оглядев внимательно пространство «перед зеркалом», Роман обнаружил минимум три «косметички», какие-то «сумочки», «корзиночки», «ящички» и ещё массу предметов, в которых потенциально могли бы находиться таблетки. Странно, он находился в этой спальне каждую ночь, порой валялся на кровати днём, и никогда не приглядывался к тому, что находится вокруг. Его книга, айпад – на тумбочке с его стороны огромной кровати, всегда под рукой. Дополнительные подушки или одеяло – в среднем отделении тумбы, растянувшейся вдоль всей стены. Пульт от телевизора – где-то в недрах кровати. Если вдруг понадобится что-то ещё – всегда можно спросить Ирину, она ориентируется в пространстве их совместного дома значительно лучше и быстрее.

Впрочем, так, наверное, у всех семейных пар, живущих дольше пары лет.

С этими мыслями Роман открывал косметичку за косме-

тичкой, передвигал флаконы с духами и баночки с кремами. Найти злосчастные таблетки становилось делом принципа, несмотря на то, что шея перестала болеть.

Мелькнувшему блистеру розоватых таблеток в знакомой упаковке он сначала не придал значения, потом вернулся взглядом, в недоумении внимательно посмотрел, даже сверился с небольшим настенным календарём с логотипом компании, в которой работала Ирина. Сомнений не оставалось.

– Что это? – Роман бросил на салфетку на стеклянной поверхности стола блистер, прямо перед женой.

– Оральные контрацептивы. – Ирина выглядела спокойной. – Ты копался в моих вещах?

– Я искал свои обезболивающие, а нашёл это. Ты ничего не хочешь мне объяснить?

– Нет. Ты не будешь доедать? – будничным тоном ответила Ирина, забирала тарелку с недоеденными сырниками, переставила её в мойку. – Я на работу опаздываю.

– Подождёт твоя работа. Ты принимала противозачаточные?

– Это старая упаковка, – Ирина будто поёжилась, но спокойствие моментально вернулось на почти безупречное лицо жены.

– Я не идиот, и знаю, как это работает, – он ткнул пальцем в блистер. – Упаковка этого месяца. Почему? Зачем ты их принимала?

– Раз не идиот, значит, и это должен понимать.

– Мы два года пытаемся зачать ребёнка, нет, почти три уже. Мы к врачам ходили, я лично ходил! Мы три года пытаемся сделать это! В итоге выясняется, что ты принимаешь таблетки. Ира, ты же хочешь ребёнка, я хочу ребёнка, мы хотим! Что за фокусы?

– Это ты хочешь ребёнка, нет никаких «мы». Я не хочу ребёнка, это ты решил, что тебе нужен наследник, продолжение рода и прочая маловразумительная ерунда, а я не хочу. Ты меня спросил, хочу ли я этого? Сопли утирать, в пелёнках погрязнуть, отупеть, как эти курицы-домохозяйки? Разжиреть, мозги потерять за детскими какашками. Хочу я этого? Надо мне молодость просирать на это? У меня карьера, планы на жизнь, я не инкубатор по возвращиванию наследников Уваровых!

– Карьера, разжиреть, пелёнки... Кто тебе мешает заниматься карьерой с ребёнком? Разве я говорил, что ты сядешь дома, будешь заниматься только воспитанием ребёнка? Я знаю, что работа важна для тебя, знаю. Мы не нищие студенты, можем нанять няню, ещё пару помощниц по хозяйству, но ребёнок нужен. Семье нужен ребёнок, мне нужен. Я для кого работаю? Для кого всё это? – Роман окинул взглядом помещение. – Хочу нормальную, полную семью, я хочу ребёнка! Это нормальное желание, Ира!

– Конечно, родить сопливое орущее нечто – это нормальное желание. А жить полноценной жизнью, когда, наконец, появилась такая возможность – ненормальное?!

– То есть, ребёнок не вписывается в твоё понятие полноценной жизни?

– Конечно, нет! Ты посмотри на всех наших знакомых, у кого дети, что хорошего? Мужья живут в своё удовольствие, шляются по командировкам, бабам. Жена дома, как на привязи, с «наследником фамилии»! Экая честь! Обабиваются, наживают неврозы, комплексы, тупеют, потом их же и бросают, потому что всегда найдётся моложе, стройнее, наглее.

– Что ты несёшь, какие бабы, какие командировки, какие неврозы, какая разница, что там у кого? Ир, мы пятнадцать лет в браке, пятнадцать! Ребёнок – логичное продолжение, развитие отношений.

– Ты так не думал, когда мне было двадцать.

– Тогда мы были нищими студентами, сесть на шею родителей?

– И в двадцать пять.

– Не время тогда было, ты знаешь это. Ты сама всё понимала и приняла правильное решение. Что бы мы дали тогда ребёнку? Съёмные квартиры на окраинах, муниципальный сад, три апельсина на новый год? Для чего ты это вспоминаешь? Сейчас речь не об этом.

– Об этом. Тогда ты не хотел, сейчас – я. Я не стану рожать, Рома, нравится тебе это или нет, но я не стану рожать и не стану тратить свою молодость на вопящих младенцев.

– Молодость? – Роман поднял глаза на Ирину. – Ира, тебе тридцать семь, какая молодость?!

– Дрянь, – прошипела Ирина и, хлопнув дверью, вышла, оставив оглушённого Уварова Романа Дмитриевича смотреть на костяной фарфор в раковине.

На работе всё валилось из рук, настроение было, как никогда плохое. Первая и острая мысль – «развод», – барабанила в голове с оглушающей ясностью. Мысль не было новой или какой – то особенной для Романа. Уже не один раз, не два возникала она за время их совместной жизни с Ириной, но у кого по-другому? Невозможно прожить всю жизнь, купаясь в радости и взаимопонимании, обязательно будут конфликты и даже скандалы.

На то и дана человеку голова, чтобы думать, а не поддаваться первому порыву и обидам. У Ирины свои обиды и своя боль, Роман понимал это. Знал и то, что он лично приложил руку к её разочарованиям. Надеялся, рано или поздно он вызовет на разговор Иру, заставит поведать ему свои страхи, убедит в своей правоте, но прямо сейчас Роман не хотел конструктивного диалога, он не хотел никакого диалога с Ириной – боялся сорваться, накричать, усугубить.

В течение дня вызверился несколько раз на подчинённых. К вечеру мерил шагами уже пустой офис, на рабочем месте оставалась лишь личный секретарь-референт Лилия и что-то сосредоточено перепечатывала, не отрывая взгляда от монитора. Роман понимал, что не хочет идти домой, попросту не может, как говорится, «ноги не несут». Шляться по улицам, напрашиваться к приятелям или ночевать в гостинице

тоже не было никакого желания.

Решение пришло неожиданно, открыв в сотый раз электронную почту. Роман ещё раз пробежался по последнему отчёту из филиала в другом регионе, на первый взгляд всё было отлично, на второй – тоже. Не требовалось никакого личного присутствия владельца компании на месте, но это место требовалось самому владельцу.

– Лилия, закажите билет на ближайший рейс и всё, что надо... отель там... предупредите, сами знаете, – кинул он небрежно, называя тот самый филиал, в том самом городе, куда собрался лететь. Вернее, сбежать.

– Конечно, Роман Дмитриевич, – Лилия согласно кинула, с готовностью номер один глядя в глаза руководству.

– Себе тоже, – добавил он.

– Мне? – Лилия дважды моргнула и растерянно смотрела на Романа.

– Да, вам, какие-то проблемы?

– Но... но у меня ребёнок, с ним некому остаться.

– Лилия, когда год назад мы с вами беседовали по поводу вашего рабочего графика, вы, насколько я помню, сказали, что готовы к частым и долгим командировкам, это одно из условий.

– Я готова, но надо же...

– Что? – Роман даже не пытался скрыть раздражение.

– Заранее предупредить, я бы договорилась с мамой.

– Я предупреждаю заранее, у вас есть время договориться

хоть с президентом Бразилии, если вас что-то не устраивает, я не держу, – он развернулся на пятках и аккуратно закрыл дверь своего кабинета.

Ребёнок! Снова ребёнок!

– Самолёт через три часа, гостиница бронирована, трансфер заказан, – отчиталась через двадцать минут исполнительная Лиля.

– Спасибо.

– Роман Дмитриевич, я могу съездить домой, вещи собрать? – с толикой обречённости уточнила ассистентка.

– Езжайте домой, сам справлюсь.

– Но... – похоже Лилия не на шутку растерялась.

– Обойдёмся без «но» на этот раз, но на будущее прошу подумать, насколько на самом деле эта должность вам подходит. Возможно, стоит рассмотреть более спокойные варианты? Вы меня устраивает как специалист, никаких нареканий или претензий у меня нет, однако слышать «я не могу» желаю, поэтому взвесьте всё как следует.

– Да, Роман Дмитриевич, – бормотала помощница, тяжело вздохнув пару раз во время отповеди непосредственного начальства.

– Ещё раз повторяю – это не увольнение, а сейчас идите домой, к семье.

Через пять часов после диалога в приёмной Роман сходил с трапа самолёта, накинув пиджак. Шла весна, днём погода уже тёплая, ночами же напоминала о прошедшей зиме по-

рывами холодного ветра.

– И как это такого красивого дяденьку к нам занесло? – услышал Роман насмешливый голос за своей спиной.

– О, здорова, что тут делаешь? – Роман протянул руку встречающему.

С Олегом они дружили со школьной скамьи, вместе подглядывали за девчонками в спортивной раздевалке, обносили соседские сады с вишней и яблоками, получая нагоняй не столько за воровство, сколько за вандализм – нежелание дождаться, когда созреет, – и свой, сведённый от зелени, живот. Вместе уехали учиться, вместе же гуливали, а потом голодали на свои скромные студенческие доходы. Вместе и влюбились. В подружек. На пару лет старше. А потом, так же вместе, сыграли свадьбы.

Вернулись в этот город уже семейными, открыли небольшую фирму, которая, несмотря ни на что, набирала обороты, нащупав, что называется, «золотую жилу». Фирма со временем расплзлась гигантским спрутом по стране. Роман перебрался в стольный град, решив, что центральное представительство должно быть именно там, а Олег возглавил местный филиал, отказавшись даже рассматривать возможность переезда. Его жена Полина ждала третьего, от одной мысли перемен в жизни начинала нервничать. В итоге филиал процветал, как никакой другой, Полина открыла свой маленький бизнес, а семья разрослась до четырёх детей. При этом Роману и Олегу удалось сохранить дружеские, почти брат-

ские отношения.

– Встречаю высокое руководство, надо думать, – засмеялся Олег.

– Узнал-таки о приезде? – Роман криво улыбнулся.

– Издеваешься? Такая новость, половина филиала в глубоком обмороке, вторая – в панике.

– А ты в обмороке или панике?

– Я-то? Пока не определился, вот узнаю, зачем пожаловали-с, тогда и решу, – встречающий «высокое руководство» немного кривлялся и широко, искренне улыбался.

– Непрошибаемое спокойствие, – дружелюбно ответил Роман.

– А как ещё, с таким-то начальством, – продолжил ёрничать Олег.

– Ой, ладно тебе, давай, лучше расскажи, как сам? Дети? Полина?

– Всё отлично, у нас остановишься?

– В гостинице, конечно, – стеснять семью другу Роман не хотел, да и глупость это высшей пробы – останавливаться у приятеля на постой, как в голодном студенчестве.

– Как скажешь, потом можешь и в гостинице, а сейчас к нам. Поля на порог без тебя не пустит. Пацаны, пожалели, что на свет родились, загоняла парней по дому. Даже Варе досталось.

– И тебе? – засмеялся Роман.

– Мне в первую очередь, у меня на этот аттракцион аобо-

немент, – добродушно фыркнул Олег.

– Узнаю Полину, – кивнул Рома.

Жил Олег в просторном частном доме, никаких ноу-хау, современного дизайна, полёта фантазии. Добротная постройка, газон с огромной ёлкой по центру, которую наряжали на новый год, беседка, баня, несколько детских площадок и бассейн, ещё закрытый. Перешагивая через валяющиеся во дворе дома шланг, тапочки и игрушки, Роман невольно улыбался.

– Ух, ты! – он сразу узнал весёлый голос Полины, а вот внешне... нет, эта была не Полина.

Отёкшее, изнурённое лицо. Роман быстро собрался и, не моргнув глазом, выдал череду комплиментов и шуточных заигрываний. Он быстро кинул вопросительный взгляд на Олега, тот словно не замечал происходящего, или так же виртуозно делал вид, что всё отлично.

Стол по приезду был накрыт. Полина затолкала Романа в душ, «освежиться с дороги», и даже выдала одежду Олега, Рома рассмеялся, как во времена беспечной юности. Остался ночевать – можно и штаны приятеля надеть.

К удивлению Романа, вышедшему из душа в отличном расположении духа, на огромной кухне суетился Олег, собственной персоной. Засучив рукава, высунув язык от усердия, он аккуратно резал сырокопчёную колбасу, бросая на благоверную косые взгляды – словно сдавал экзамен. По всему было видно, с заданием друг не справляется.

– Поль, может, купить машинку специальную, она на слайсики режет, залюбуешься. А то смотри, застращала мужика, руки трясутся, – давясь смехом, проговорил Рома.

– Ага, и кто-нибудь из мелких отрежет себе палец этой машиной, – пробурчала Полина. – Тоньше режь. Олег, некрасиво же будет! Дай сюда, – не выдержав криворукость супруга, она встала и двинулась к столу.

– Эй, женщина, нам это есть, а не любоваться, – благородно возразил Олег. – И сядь, пожалуйста, сядь. Поля, жопу напорю, – Олег улыбался во весь рот, но только откровенный дурак не заметил бы спектакля, что разыгрывали, скорее друг перед другом, муж с женой.

– Кхм, – вмешался Роман, – давайте садиться, стол и без того ломится, а где Варя, где Мила?

– Спят уже, не дождались, но ты садись, сейчас мальчишки придут. – С этими словами пара подростков – двойняшек вошла на кухню и, по-мужски поздоровавшись с «дядь Ром», кинулись накрывать на стол под взглядом матери. Они то и дело путали приборы, порвали упаковку салфеток, рассыпав их по полу, получили по подзатыльнику от отца, но всё же справились.

Поздний вечер перешёл в ночь, пацаны отправились спать под грозный окрик родителей. Полина, поковыряв в тарелке салат, тоже отправилась в спальню. Олег, помолчав немного, разлил водку и намахнул разом пару рюмок.

– Пятого ждёте? – наконец, после минутной, тяжёлой ти-

шина, выдавил из себя Роман.

– Да, – Олег накатиł ещё пару рюмок, всё так же молча. – Пятого, – он добавил ещё одну, вспомнил, что рядом друг, налил и ему.

– Что произошло?

– Я виноват. Доход стабильный, на рынок европейский вышли, мужик я молодой, силы много, жизнь впереди... Чего, думаю, ещё одного не родить? Дом есть, деньги есть – рожай! Забеременела, всё по уму, даже к врачу сходили, анализы какие – то заранее сдали, добро получили. Здоровые – рожайте. А как забеременела – понеслось. И почки, и сердце, легче сказать, что у неё ещё здоровое, чем перечислять болячки. Не доходит она...

– Всё так плохо?

– Хуже...

– Олег, ты прости, но, может, проще избавиться? У вас уже четверо детей, к чему такие жертвы? Этих надо вырастить, до ума довести, Мила только в школу пойдёт. Дело ваше, конечно, но...

– Легче, конечно, легче, я уговаривал, просил, умолял. Как дети без неё, случись что? Да и дети... что дети... Я жить без неё не могу, всегда это знал, а сейчас в голове набатом: «бам, бам, бам». Сдохну, не умею без неё.

– Не каркай.

– Каркай, не каркай, а это тут – внутри.

– Так и чего, не хочет избавляться?

– Нет. Ты ведь знаешь женщин, на детях пунктик. Страшная сила материнский инстинкт – разум отключается напроць, главное – родить. Это, говорит, живой человек, а аборт – убийство. Понимаешь, убийство! А то, что этот... живой человек её убивает – ерунда, то, что четверо детей без матери останутся – ерунда. Всё ерунда, а вот это, внутри – не ерунда. Грешным делом, хотел что – то подмешать ей, выкидыш вызвать, по форумам бабским лазил, в последний момент струхнул. Так и живём.

– Да, дела, – протянул Роман. – Ты раньше времени не хорони жену. Обойдётся, родите пятого, всё отлично будет.

– Вот родит, и я сам её убью, чтоб больше не смела, – скрипнул зубами Олег.

– За это и выпьем.

Сотрудники филиала были оповещены о прибытии важного начальства, Роману Дмитриевичу выделили некогда его же огромный кабинет в торце административного этажа с видом на идеалистический пейзаж – реку и ярко – зелёные холмы с чередой посадок берёз. Был бы Роман Есениным – он бы восхитился, но Роман был Уваровым, от вчерашнего воздействия болела голова, как и от утреннего разговора с Ириной.

Она плакала в трубку, Роман чувствовал себя отвратительно. Уехал, не поговорил, в конце концов, от проблем нет смысла бежать, их надо решать, а Ирина заслуживала и разговор, и шанс. Она была его женой уже много лет, и это так

просто не проигнорируешь, прикрывшись обидой.

Тем более три года назад он поклялся, что больше никаких командировок не будет, в этот город особенно. Романа ничего не связывало с этим городом, с тех пор, как он перевёз родителей ближе к себе. Олег с семьёй приезжали к ним сами, а с делами филиала успешно справлялся его зам, если требовалось вмешательство «на месте», но это случалось редко. Олег держал руку на пульсе и ни разу не подвёл.

Роман не должен был так уезжать. Три года назад он здорово накосячил, был виноват по самые уши, и ему здорово повезло, что Ирина простила его слабость.

Можно было бы сказать: «Баш на баш», Ирина не ожидала такого поступка от Романа, он не ожидал подобной лжи от своей жены. Но смысл копить обиды и счета не было. Из происходящего необходимо выбираться. Надо остыть, попытаться наладить отношения, поговорить ещё раз и ещё, может быть, даже обратиться к семейному психологу, иногда, говорят, они помогают. Развод – самое простое и самое первое, что приходит в голову, но Уваров не сдаётся, он ещё поборется за свой брак и своего потенциального ребёнка.

Материнский инстинкт... Почему одних женщин он заставляет идти на неоправданные риски, а у других не включается вовсе? Или он попросту атрофируется за ненужностью через какое – то время? Ведь Ирина хотела ребёнка, он, Роман, помнил это, хотела. Тогда, лет десять назад, она уговаривала его родить. Да, в съёмной квартире, с мутными

перспективами на будущее, без денег на хорошую коляску.

Не дал. А может, зря? Успел же Олег, смог, высот добился меньших. Дом ни размерами, ни дизайнерскими изысками не сравнится с загородным домом Романа Уварова, но мужик определённо состоялся на своём уровне. И уж точно, когда на нём висела вся его неугомная семья – был счастлив. Счастлив так, как не было знакомо Роману.

Он посидел немного в пустом кабинете, выглянул пару раз в приёмную, оглядывая несколько пустых столов и компьютерных кресел. Там, по идее, должна была сидеть секретарша и кто – то, кто заменит Роману Дмитриевичу личного ассистента на время его пребывания в филиале. Недолго думая он двинулся в сторону отдела кадров, откуда, очевидно, и должны были прислать секретаршу и ассистента.

– Что вам? – вместо приветствия донеслось из – за стола в небольшом кабинете на втором этаже здания, вывеска на котором гласила: «Начальник отдела кадров Смирнова Ю. М.» – И где ваш бейдж, юноша?

Роман внимательно оглядел Смирнову Ю. М. и усмехнулся про себя. Действительно, где его бейдж?

– Не выдали, – горестно вздохнул Роман.

– А как же вы прошли в это здание? – Смирнова Ю. М. смотрела с явным раздражением.

– Через проходную, мимо охраны, ногами, вот этими, – Роман глянул на свои ботинки, туда же посмотрела Смирнова Ю. М.

– Шутите? Я сейчас охрану вызову.

– Вызывайте, заодно вас выпроводят из этого кабинета и этой фирмы.

– Что?!

– То, уважаемая Смирнова Ю Эм, что вы не только не справляетесь со своими прямыми должностными обязанностями, но и не знаете руководство в лицо. Уваров Роман Дмитриевич – владелец этой богадельни, – отчеканил он.

В глазах Смирновой Ю. М. мелькнул ужас, вкупе с пониманием происходящего. Она подпрыгнула с места, изобразила самую подобострастную улыбку, на которую способен человек в экстремальной ситуации.

– Не утруждайтесь, – он усадил взглядом растерявшегося начальника отдела кадров в кресло. – Где мой секретарь и ассистент?

– Разве они не вышли?

– Для чего бы я спрашивал вас? Нет, не вышли, и трубочку вы тоже не берёте, так что, будьте любезны, напрягите свои мыслительные способности и предоставьте мне через семь минут и того, и другого.

– Но, Олег Семёнович...

– С Олегом Семёновичем у меня будет отдельный разговор, сейчас я говорю с вами.

– Дело в том, что Пётр, молодой человек, назначенный на должность временного ассистента, неожиданно попал в больницу, а секретарь... – взгляд Смирновой Ю. М. отчаян-

но метался по кабинету.

– Меня это мало волнует, чтобы через семь минут ассистент у меня был.

– Но...

– Но? У вас есть ассистент? Или секретарь, или помощник?

– Да... Настя.

– Прекрасно. Настя, значит. Вот и пришлите эту Настю ко мне.

– Настя? – начальник отдела кадров посмотрела в сторону компьютера у окна, где за широким монитором виднелась светлая макушка, по всей видимости, той самой Насти.

– Я... я не могу, – девушка подскочила и смотрела во все глаза на Романа Дмитриевича, который сглотнул комок в горле и попытался отвести глаза.

– Отлично. Анастасия – в мой кабинет, и тогда, может быть, эту прекрасную фирму не покинет столь чудесный начальник отдела кадров! – с этими словами Роман Дмитриевич вышел за дверь и только зайдя в свой кабинет, смог выдохнуть. С матом.

Это не догнавшее прошлое, это какой-то нелепый спектакль. Розыгрыш!

Самое верное решение, которое должен был принять Роман – валить отсюда. Сейчас. Немедля.

Как он мог поверить, что всё для него закончилось, как он смел надеяться на это, не верить самому себе, обманывать

себя.

Не закончилось.

Вот оно.

Его ошибка. Его вина. Его наваждение. Его Настя.

Его ошибка. Его вина. Его наваждение. Его Настя.

Тогда, три года назад, он решил продать родительский дом. Они давно жили в Подмосковье, а этот дом так и стоял брошенным. Решение пришло не сразу, сначала Роман противился ему. Было в этом что – то противоестественное, однако постепенно дом приходил в упадок, как и территория вокруг. Сад зарастал, клумбы с любимыми цветами матери больше не пестрели яркими шапками, а огород, выпестованный с особой любовью отцом, вдруг полюбившим землю на пенсии, и вовсе превращался в непроходимые заросли сорняка.

Воспользовавшись случаем, свободным временем после подписания выгодного контракта с немецком компанией, Роман вплотную занялся продажей. Самым простым решением было продать соседям, и Роман решил спросить лично, не хотят ли соседи по меже с одной и с другой стороны приобрести участок, он был готов изрядно уступить в цене, лишь бы ускорить процесс.

Живущая по соседству пара пенсионеров, вздохнув, отказалась, поинтересовавшись здоровьем родителей Ромочки, который рос на их глазах, передали приветы и наилучшие пожелания, на том всё и закончилось. Другие соседи, живу-

щие здесь совсем недавно, тоже не проявили интереса, а вот Роман проявил, к их дочери.

Он увидел её, как в кино – босую, с распущенными длинными волосами, в коротком платье, с бесконечно длинными ногами. Стоящую на деревянном полу веранды, улыбаясь незваному гостю, держа тонкими длинными пальцами книгу.

– Интересно? – Роман уже узнал, что хотел, ему следовало вежливо попрощаться и уйти, но он попросту не мог оторвать взгляд от девушки – Насти.

Говорят, любовь с первого взгляда – выдумки, но именно это и испытал тридцатидвухлетний Роман Уваров, стоя там, на пороге чужого дома, глядя на чужую девушку в облаке аромата сирени. Тогда цвела сирень.

Потом он сам себе объяснил произошедшее стереотипами – молодая девушка, весна, расслабление нервной системы после напряжённых полугодичных переговоров, работы, увенчавшихся успехом. И, как бы банально это не звучало – отсутствием секса.

Роман Уваров был из тех редких мужчин, которые не изменяют жене. При всём благополучии и бесчисленных возможностях, Роман избегал интрижек на стороне. Была ли тому причиной привязанность к Ирине или плоды воспитания – он бы не смог сказать, но за все годы брака, не всегда удачного, мысль об измене не посещала Романа.

Пробегая взглядом по фигурке Насти, Роман испытал это

– нет, не желание секса с посторонней женщиной, он не был святым, и в мыслях позволял себе вольности. Желание ни к чему не обязывающей связи было знакомо. Почувствовал потребность любить эту девушку. Странное, ничем не оправданное чувство, глупое, которое следовало уничтожить там же, стоя рядом, вдыхая аромат сирени.

Роман не уничтожил ни своё нерациональное ощущение острой привязанности к абсолютно чужой девушке, к тому же молоденькой, ни свой интерес, ни даже свои дальнейшие действия.

Вместо этого он помчался в книжный магазин, купил продолжение книги, которую держала в руках Настя. Какое – то фэнтези, почти детская литература, пробежав по которой глазами, Роман даже поморщился. Поморщился, купил и занёс, молча оставив на пороге дома, с небольшой запиской – приглашением.

К вечеру, когда он, вопреки здравому смыслу, не поехал в гостиницу, не заглянул к Олегу, а что – то, вернее кого-то ждал. Громыкнула железная калитка, а потом, как – то на удивление робко зашла Настя. Тихо прошептала: «Здравствуйте» и «Спасибо за книги, но не надо было», протянула купюры, оставляя их на столе.

– За лекарства и книги не говорят спасибо, Настя, – на вкус имя «Настя» было тающим и сладким.

– Всё равно, вы чужой человек, это нехорошо...

– Тогда, может, познакомимся поближе? – он даже не

подумал, как могут прозвучать его слова, пока не увидел вспыхнувшее личико Насти. – Ты неправильно поняла, просто погуляем, сходим в парк, в кино. Ты любишь кино? Составь мне компанию, я один в этом городе.

– О... а разве вы не женаты?

– Нет. – Роман соврал, не моргнув глазом. Он даже предварительно снял обручальное кольцо. Театральный и жалкий жест, но он поступил так, как поступил.

– Мне казалось, я видела кольцо.

– Тебе показалась, и давай на «ты», я не такой и старый.

– Ладно, – Настя выглядела растерянной, и явно заинтересованной в Романе.

Роман наслаждался неопытностью Насти, её смущением, опущенными глазами и репликами невпопад. Он ликовал внутри, когда она терялась или не знала, что ответить, он радовался, как ребёнок новой игрушке, когда Настя ответила на его прикосновение своим робким. Маленькую, удивительно изящную ладонь, пальцы которой, будь Роман художником, он бы увековечил на холсте, хотелось целовать. Не искать продолжения, не ласкать с прицелом на более откровенное продолжение, а просто целовать. Руки Насти были ценностью сами по себе, как и её губы.

Он до сих пор помнил вкус этих губ. Сумасшедший вкус, дурманящий. Роман не любил поцелуи. Поцелуи – всегда прелюдия к сексу, один из видов предварительных ласк, ведущий к определённой цели. Но целовать Настю оказалось

само по себе прекрасно, головокружительно. Он не мог оторваться от её губ. Готов был не отпускать никогда в жизни, слизывать, лакать, съесть каждый вздох, каждый лёгкий укус, каждое дыхание и послевкусие этих чужих губ.

Как она волновалась тогда, через пару дней, когда отношения между ними достигли определённой точки. Слишком рано для неё, слишком долго ожидаемо для него.

Он целовал её, проводил пальцами по голове, распуская каскад светлых волос, растёгивал пуговицы на её кофточке, любуясь округлыми полушариями в кружеве нежно – сиреневого цвета. Настю тряслась в прямом смысле этого слова. От волнения, желания, от всего, что так внезапно и с таким отчаянием вываливал на неё Роман. От его умелых ласк и поглаживаний, от того, каким взрослым и опытным он был по сравнению ней. Его пальцы потянули вниз женские брючки, обнажая бёдра со светлой, почти прозрачной кожей и сиреневым, как у бюстгальтера, кружевом. Сирень преследовала Романа, кружила ему голову и одурманивала.

Руки Ромы скользнули под её трусики, прошлись по небольшим ягодицам, между ними, задержавшись, слегка надавливая на зажавшуюся в испуге дырочку. Он усмехнулся про себя, давясь довольством, смотря на вспыхнувшие щеки Насти.

Её неопытность сводила с ума. Никогда бы Роман не подумал, что неопытная девочка своими неумелыми ласками и даже их отсутствием может довести его почти до неистовой

потребности быть с ней, всеми возможными способами одновременно, и плевать, что это невозможно. Настолько сильно и отчаянно, на грани потери реальности, Роман никогда не хотел женщину, даже в юности, когда секс был едва ли не основной потребностью молодого организма. В браке половая жизнь Романа была упорядочена и в то же время разнообразна, он не ощущал острой потребности в сексе, его желания всегда были удовлетворены с лихвой щедрыми ласками Ирины.

Захотелось безумия, захотелось окончательно смутить Настю, захотелось узнать её вкус. Везде. Он развернул спиной к себе девушку, сдёрнул с неё трусики и нагнул, укладывая её грудь на кровать.

Да, она попыталась сопротивляться и покраснела так, что плечи пошли пятнышками, но Рома удержал её, на ходу уговаривая, увещая и убеждая, раздвигая пальцами ягодицы, чтобы пройтись языком там, где этого так смущалась Настя, почти до паники.

– Настя, Настенька, тебе понравится, девочка, поверь мне, поверь, – он шептал и сам себя не слышал, теряясь в море своего вожделения.

– Я... нет, не...

– Настюша, ничего не будет, туда не будет, не бойся, это просто ласка, тебе понравится.

Хотел ли он преступить эту грань? Да, несомненно, будь на месте Насти другая – да.

Но Настя... с её неопытностью, с её испугом, провоцировала на ласки, но не на само действие. Не сейчас.

Сейчас он только поглаживал языком, пальцем и снова языком, опускаясь пальцем к клитору по влаге и снова языком, по уже расслабленному колечку. Настя сначала притихла, показалось – она ушла в себя, а потом словно отпустила внутреннюю пружину, открыто подставляя себя под поцелуи и ласки Романа, пока не вскрикнула, сначала сильно напрягаясь, до испарины по спине, а потом, когда Рома перевернул её, прижав к себе, продолжая легко ласкать, зная, что девушка ещё не отошла от оргазма – отвела глаза от него.

– Тебе понравилось? – он говорил тихо, зная ответ, но хотелось признания вслух, впервые в жизни ему было необходимо, чтобы женщина сказала: «Понравилось».

– Да, – еле слышно ответила она.

– Боже... Настя, Настенька, я люблю тебя, – слетело с его губ, и Роман понял, что это чистая правда. Чистая, как ключевая вода или слеза младенца, без примесей и напуска условностей. – Я люблю тебя, – он мог бы говорить это вечно, и вечности было бы мало.

– Я люблю тебя, – услышал в ответ, искренне, так, что стало невыносимо больно и так же невыносимо сладко.

Он чувствовал жгучее, до болезненных спазмов, желание оказаться в Насте, взять её, она была готова, расслаблена, было много влаги. Он не удержался, облизав свой палец, а потом, скользнув между женских ног для быстрой и чувствен-

ной ласки, чтобы в следующее мгновение замереть у входа, едва ли не молясь на происходящее и женщину, которая отдавала себя ему. Удивительное, доселе невиданное чувство, смесь любви, благодарности и животного желания, инстинкта.

Действительность ударила хлёстко. Настя оказалось девственницей, он отпрянул, почти в ужасе смотря на девушку, не зная, что сказать.

– Настюша, почему ты не сказала?

– Стеснялась...

– Глупая, – он поцеловал с максимальной нежностью, на которую был способен. – Спасибо, спасибо, – откуда взялась эта потребность благодарить? Её, провидение, господа бога...

Роман старался двигаться аккуратно, наплевав на свои желания, но Настя всё равно морщилась от боли. В романах, говорят, героини испытывают оргазм в свой первый раз, Настя не была героиней романа, да и Рома не был героем, но под конец Настенька всё – таки расслабилась и даже сделала два неуверенных качка бёдрами, от чего до этого сдерживающийся Роман испытал один из самых головокружительных оргазмов в его жизни.

Почему один из? Потому что они были ещё, с Настей, он выдержал сутки и снова был близок с ней, потом ещё раз и ещё. Тридцатидвухлетнему Роману казалось, что вся его жизнь вдруг сузилась до одного знаменателя – Насти.

И одного-единственного желания – быть с ней. Он не выпускал её из постели последние два дня своего пребывания в этом городе, позабыв о продаже дома, о компании, друге и даже жене, которой отзванивался раз в день, тайком, говоря быстро и отстранённо, понимая, что его жизнь с Ириной никогда уже не будет прежней, да и не будет больше этой жизни.

Тогда Роман был твёрдо уверен, что развод – дело решённое, что он заберёт Настю, как только решит все юридические формальности, что он просто не сможет жить без неё.

Он был влюблён, впервые в жизни, с первого взгляда, такое случается.

Но жизнь есть жизнь. Не так-то просто, оказалось, посмотреть в глаза Ирине после двенадцати лет брака и всего, что их связывало. Сложно разделить жизнь на «до» и «после», объясняться с родственниками, делить имущество, разрушать годами налаженный быт и жизненные устои.

– Не чуди, мужик, – сказал тогда Олег. – Развлёкся, как мужик я тебя понимаю. Молодая девчонка, юное тело, но кто она? Что она? Что у неё на уме? Ты без понятия, а Ира с тобой в самые паршивые твои годы была, в провинцию рванула, потом в Москву. Такую женщину, как Ирина, ты больше не найдёшь, а Настя у тебя ворох будет, раз уж распробовал, – усмехнулся друг. – Не глупи.

– Ворох, говоришь?

– Ворох. Ты сейчас в самом соку мужик, с баблом, и это

только начало. Подобные Насти ложатся под таких, как ты, и с усердием подмахивают.

– И под тебя ложатся? – Роман криво улыбнулся.

– Случается, но это всё пустое, как подрочить. Семья – вот что важно, я за Полинку любого убью, а дети мои – это моя жизнь, часть меня. Насти эти, Алёны... да им плевать на тебя с колокольни, их бабло твоё интересуется, им даже плевать, как ты их трахаешь. Твоя Настя такая же.

– Ты не знаешь её.

– Не знаю. Все они одним миром мазаны, вот это наверняка знаю. Подумай хорошо и Ирине ничего не говори, не простит она, гордая.

Он не сказал, но Ирина узнала. Как? Да, кто же знает, как жёны узнают, какой радар в них встроен, но Ирина узнала. Она не плакала, не просила, молча посмотрела на мужа и вышла из комнаты. И тогда Роман испугался, по-настоящему испугался, так, что паркет, казалось, ушёл из-под ног.

Настя... Где Настя? Что с ней? А он тут. Живёт, дышит, думает. Сможет ли он жить без незримой, но постоянной поддержки своей жены...

– Прости, – Роман не знал, что сказать, – прости, Ира.

– Собери вещи и уходи, не хочу тебя видеть, не могу.

– Прости меня, я...

– Больше так не будешь? – ехидно прошептала Ирина. –

Отлично! Иди, постой в углу, подумай над своим поведением!

И он пошёл, сам себе не верил, но пошёл. Встал лицом в угол, не понимая, что он делает, зачем?

– Ром, ты сдурел?

Он молчал. Сдурел, да, сдурел. Сдурел, когда поверил, что Настя, нежная, невинная, смущающаяся девочка, случайная в его жизни, может значить больше, чем Ирина – эта гордая, красивая, амбициозная женщина, которая не подвела его ни разу в жизни.

– Хватит представления, – Ира в раздражении встала и прошлась по комнате.

– Прости меня.

– Не умею я такое прощать, Рома, и ты это знаешь. Не прощают такое, нельзя такое прощать, ты предал меня, предал нас.

– Ира! – он взвыл, – Ира, что, что мне сделать? Скажи, я всё сделаю! Прости меня.

– Да выйди ты из этого угла, смотреть противно, – кинула она в сердцах.

Он вышел и долго, очень долго просил, уговаривал, верил сам себе, что Настя – это минутная слабость, помутнение рассудка, проходящее, что скоро она забудется, как нечаянная неприятность, как проколотое на дороге колесо.

Удивительно, но Ирина простила, заплакала и простила. Ей было больно от своего решения, от своей слабости и того, какой жалкой она выглядела в собственных глазах, Роман понимал это, но ... разве это имело значение тогда?

Жизнь Романа Дмитриевича Уварова потекла своим чередом, с буднями и праздниками, с регулярным и всё ещё, несмотря на годы брака, качественным сексом.

Отказался он лишь от командировок, благо обстоятельства помогли, а один-единственный раз, когда это было необходимо, Роман взял с собой Ирину. И хотя они почти не общались, только ближе к ночи, в номере, из-за загруженности Ромы, это того стоило. Спокойствие в семье стоило любых компромиссов.

Спустя время Роман ощутил острую потребность в ребёнке, его стал раздражать пустой дом, некогда казавшийся уютным. Он невольно задерживался взглядом на детях, думал о том, каким бы отцом он был. Может быть, пришло его время, может быть, желание оставить всё, что заработал, своему ребёнку, а может быть, пример Олега перед глазами, но результат – потребность родить ребёнка стала формироваться в навязчивую идею.

Ирина встретила без энтузиазма идею мужа, но спорить не стала, сходила к врачу, даже позвала его в кабинет, когда врач сказал, что не видит никаких препятствий для рождения ребёнка. Тем не менее, беременность не наступала. Через полтора года Роман сам ходил к врачу, хотя не особо верил в собственное бесплодие. Ведь беременела Ирина раньше. Но, кто знает... Должна быть причина неудач.

Причина оказалась проста. Роман чувствовал себя одураченным, но отчего-то не злился на Ирину, вероятно, за годы

брака он потерял эту способность – злиться на свою жену.

Всё, что он понимал – им предстоит долгий и непростой разговор. Вопрос ребром.

Роману была необходима полноценная семья, ребёнок, и Ирине придётся это принять.

Но прямо сейчас, в своём временном кабинете, в городе, в который он зачем-то приехал, хотя и обещал себе сотни раз не возвращаться сюда даже в мыслях, Роман не мог думать о своей жене. Все его мысли поглотила, как когда-то давно, Настя, Настенька.

Узкая юбка с завышенной талией, верх из тонкого трикотажа, украшение на цепочке, бесконечно длинные ноги, хвост из осветлённых волос.

– Проходи, – Роман растерялся, неожиданно для себя.

– Здравствуйте, что я могу для вас сделать?

– В каком смысле?

– Вы сказали, что в мои обязанности будут входить обязанности личного ассистента, пока вам не найдут кого-то более подходящего, что я могу для вас сделать?

– Кофе, начнём с кофе.

– Чёрный?

– Да, с сахаром, пожалуйста. На столе список документов, которые я хочу увидеть сегодня в первой половине дня.

– Хорошо.

Настя изменилась. Повзрослела. Казалось, выросла и поправилась. Пропала юношеская угловатость, сменилась

неприкрытой женственностью. Это ощущалось во всём, от движений до формы бёдер и груди, которая увеличилась, и это точно не эффект пуш апа.

Сколько ей? Двадцать пять, тогда было двадцать два. Как же она умудрилась сохранить себя до такого возраста? Шальные студенческие вечеринки прошли мимо? Не в формальной девственности дело, это всего лишь малозначащая слизистая, а вот то, как смущалась Настя, как она зажимала губу, а потом разрешала себе получить удовольствие, её несмелые и неискусные ласки – от всего этого разило такой невинностью, что валило с ног, заставляло голову кружиться.

Сейчас всё изменилось. Взгляд уверенный, спокойный, с льдинками в глазах.

– Так значит, ты теперь работаешь здесь, – Роман сел напротив Насти, рабочий день подходил к концу.

– Да. Если позволите, я пойду, мой рабочий день до семнадцати.

– Ваш рабочий день ненормированный, Анастасия Павловна, пойдёте, когда я проясню пару моментов.

– Слушаю вас.

– Значит, работаешь здесь?

– Это очевидно, мне кажется.

– Почему?

– Почему работаю или почему именно здесь?

– Почему именно здесь?

– Куда взяли. График удобный.

– А как же: «Это динамично развивающаяся компания, для меня честь влиться в её дружный и сплочённый коллектив»?

– Это динамично развивающаяся компания, для меня честь влиться в её дружный и сплочённый коллектив, если угодно.

– И всё же, почему именно здесь? Из-за меня? Чего ты хотела добиться?

– Не из-за вас, Роман Дмитриевич.

– Скажи ещё, что не знала, чья это компания.

– Знала, помнила, но это не имело значения. Меня устроила заработная плата и график работы, а на динамику развития, если позволите, мне плевать, я могу идти?

– Идите, рабочий день начинается в восемь.

– Но... мой в девять.

– С завтрашнего дня в восемь, у меня бессонница.

– Отлично, – с грохотом Настя переложила папку на столе и вышла из приёмной.

– Твою мать! – громко выругался Роман. Всего несколько часов рядом с Настей, всего пара взглядов на неё, несколько слов, и все его уговоры самого себя, вся выдержка, вся его жизнь летит кувырком.

Всё потому, что любовь с первого взгляда существует. Любовь существует. И бьёт наотмашь, сука, без права на прощение!

Глава 2

Несколько дней прошли незаметно для Романа. В восемь утра он был на рабочем месте, до того, как он появлялся, приходила Настя. Каждое утро его ждал кофе и лёгкий завтрак, за что Роман был благодарен. Есть сразу после сна он не мог, а вот после пробежки и контрастного душа был не прочь закинуть что-нибудь в организм, только времени на перекус не оставалось. Так что свежая выпечка приходилась очень кстати.

В первый же вечер, когда мысли Романа по шальному прыгали и вконец разбередили душу, сердце, и... физиологию, он принял решение свести общение с Настей к сугубо деловому. Правильно было бы отправить её обратно в отдел кадров, но тут здравый смысл Романа Дмитриевича давал сбой и находил массу причин, по которым невозможно так поступить.

Причина же была одна, и Роман, не привыкший врать самому себе, лишённый иллюзий о жизни, это осознавал – он не хотел терять из вида Настю. Его радовало её присутствие в приёмной. Радовало даже её молчание, причём радость эта ощущалась не только эмоционально, но и физически. Кажется, весь организм Романа, все его жизненные ресурсы были на подъёме.

Он пообещал себе и не позволял никакого флирта с асси-

стенкой, только разговоры по делу, пару вежливых слов, но хотел ровно противоположного.

Роман Уваров учился на своих ошибках и не собирался повторять их. Как бы ни было соблазнительно, он не хотел снова обманывать Ирину, Настю тоже. Впечатление готовой на лёгкую интрижку девушки она не производила, да и сам Роман не хотел таковую. Любоваться же Настей, проходя через приёмную, давая короткие распоряжения, он себе позволил.

К вечеру, казалось, телефон раскалился добела. Решение уехать в далёкий филиал не было тем, что облегчило жизнь Роману Дмитриевичу. Постоянно требовалось его участие, срочные решения. Средства коммуникации рванули далеко, предоставляли огромные возможности, но всё равно отдалённость не облегчала жизнь.

В кабинете появился Олег, после дружеского приветствия уселся в кресло напротив директорского.

– Ну, что, нашёл, что искал? – Олег показал глазами на внушительную стопку документации, которая возвышалась на краю стола.

– Угу, – пробурчал Роман.

– Раз «угу», может, всё же скажешь, зачем пожаловал? Я понимаю, ты – начальство, я – дурак, но всё же?

– Да так, – Роман посмотрел на столбец цифр и, вспомнив что-то, нажал кнопку. – Анастасия Павловна, вы приготовили мне то, что я просил?

– Да, Роман Дмитриевич.

– И? Я должен сам встать и забрать, или вы всё же соизволите?

– Ооо, какие мы грозные, – фыркнул Олег.

– Распустил персонал, – ответил Роман, едва ли серьёзно.

В это время в кабинет вошла Настя, молча положила увесистую папку на стол с вопросом, нужно ли ещё что-то Роману Дмитриевичу, или она может быть свободна.

На языке крутилось «Нужно», «Необходимо», но Роман сухо ответил, что до завтра Анастасия свободна.

– Анастасия Павловна, значит? – Олег смотрел заинтересовано. – Настя?

– Настя.

– А не та ли это Настя?

– Какая «та»?

– Та самая, не делай вид, что не понял меня.

– Не та.

– Но тоже Настя, совпадение?

– Какая невидаль. Настя. В России редкое имя, эксклюзив.

– А жаль, что не эта Настя, я уже порадоваться за друга решил. Такая конфета, эта Настя из отдела кадров. Ты видел эту попку, а ножки... ммм...

– Обычные ноги.

– Да ладно.

– Ладно! У тебя своя «Настя» есть, между прочим, пятым

от тебя беременная, вот туда и смотри.

– Не надо нервничать, Рома. Пошли, поедим, поговорим, обсудим.

– Пошли, – Роман в раздражении отложил лист формата А4 и встал из-за стола.

На улице, пока Рома ждал Олега, выгонявшего автомобиль с подземного паркинга, взгляд блуждал по знакомой улице. Насколько всё изменилось за те три года, что его не было. Административное здание достроено до конца, пара этажей сдавалась в аренду, остальные помещения занимала компания Романа. Руководство, чьё присутствие не требовалось на производстве, разместилось в этом здании из бетона и стекла с огромным логотипом на крыше.

Он знакомился с отчётами и фотографиями, но видеть итог своего труда именно в том месте, где всё начиналось, особенно приятно.

Недорогая иномарка остановилась поодаль от Романа. К ней подошла девушка, слишком хорошо знакомая Роману. Настя махнула рукой, из машины вышел молодой парень, подмигивая, забрал у Насти сумку, по-хозяйски обнял девушку, целуя в щёку, открыл правую дверь авто, смотря, как его спутница усаживается в кресло.

Удивляться нечему, было бы странно, если не болезненно, если бы у Насти за эти три года никого не появилось, но ревность вгрызлась в лёгкие Романа.

Роман не был близко знаком с этим чувством. Его един-

ственные серьёзные отношения закончились браком, а случайные связи до брака были так давно, что он забыл, ревновал ли он тех девушек. Ирину же Роман не ревновал никогда, сейчас это показалось Роману странным. Их уровень взаимного доверия, до некоторых пор, был настолько высок, что портить всё ревностью казалось вандализмом, грехом. Настю... Настю он приревновал. Хотя и не имел никаких прав на неё, и не мог иметь.

Вечер прошёл спокойно, Олег, казалось, выдохнул с облегчением, когда Роман признался, что никакой особой цели его поездка не несёт, что всё это связано с внутренними разборками четы Уваровых. Вдаваться в детали или подробности Роман не стал. «Не выноси сор из избы» – правило, которое он запомнил на всю жизнь. Он был не прочь поделиться радостью, планами на будущее, но о том, как его почти три года водила за нос родная жена, он не готов рассказывать.

Вечером поговорил с Ириной, почти дежурно, он был согласен с её коротким доводом, что его ничто не держит в этом городе, следует вернуться как можно скорее, но... но. Всё всегда упирается в пресловутое «но».

– Кто тот парень, что забирал вас, Анастасия Павловна? – это было сказано вместо приветствия и дежурного «спасибо» за завтрак на рабочем месте.

– Муж, – казалось, Настю не смутил, не задел вопрос.

– Муж? А колечка я не вижу, – Роман бросил взгляд на пальцы Насти без единого кольца.

– Наличие кольца, как и его отсутствие, не показатель, – Настя ответила ровно, однако что-то скрывалось за этим ровным тоном. Обида. И она порадовала Романа. Обида.

– Верно, порой не показатель, – Роман посмотрел на своё обручальное кольцо, – но чаще, всё-таки, имеет значение.

– Будем считать, что для вас это имеет значение, – Настя повела плечами.

– Для меня... Знала бы ты, Настя, что для меня имеет значение.

– Не хочу знать, – отрубил она зло.

– Верю, заслужил, – Роман стоял рядом с Настей, разглядывал светлые пряди волос, хорошо покрашенные, с отливом, ухоженные, молодые. Как и кожа на лице, которая, казалось, светилась в люминесцентных лампах кабинета, как кожа на тонкой длинной шее и линии декольте.

Рома сглотнул, судорожно, жадно. Словно грудь в светлом бюстгальтере, который едва просвечивался через блузку, была первой увиденной им грудью. Налитая, округлая, не большая, но и не крохотная, манила к себе, приковывала взгляд.

Он сделал шаг к Насте, она замерла, застыла. Он скользнул взглядом от груди к губам, покрытым лёгким блеском.

– Настюша, Настя... – пружина, сжатая всё время с первого взгляда в кабинете начальника отдела кадров до этого момента, расправилась, эмоции Романа вышли из-под контроля. – Настя, – он не осознавал, как его губы коснулись женских губ, не осознавал, что она не должна отвечать на

поцелуй, что он не должен её целовать.

Он тонул во вкусе, который в мгновение вспомнился так, словно последний раз он целовал Настю сегодня утром, а не три года назад, и стал до боли желанным и таким же до боли родным. Они не прикасались телами, руками, только губы, осторожно, не безумно, но невозможно сладко.

– Настя... – наконец, его рука скользнула по спине Насти.

– Нет, – Настя вздрогнула. – Нет, я не успею...

– Что?

– Я... Я не должна, у меня есть муж! – она оттолкнула Романа, отошла на пару шагов. – У меня есть муж!

– Я понял, у тебя есть муж, – Роман отвернулся к окну.

– У тебя жена.

– Помню.

– Хорошо, что помнишь, – Настя резко развернулась и выскочила из кабинета.

Для чего он поцеловал её?! Зачем?! Куда это приведёт? И есть ли уже разница?

Утром он сдал билет, который купил накануне, и, соврав Ирине, придумав причину, по которой не мог вернуться домой, приехал в этот кабинет.

Какая глупость – быть влюблённым в какую-то Настю. Глупость – хотеть взаимности от неё. Отчаянная глупость – рисковать из-за этого своим браком.

Всё происходящее было глупостью, но не переставало от этого существовать.

– Настюша, нам надо поговорить, – Роман не хотел ходить вокруг да около.

Да, он виноват. Виноват перед двумя женщинами, но сейчас всё стало на свои места, он готов нести ответственность и отвечать за свои поступки.

– Нет, вчера... Это было ошибкой.

– Насть, ты знаешь, что это не было ошибкой.

– Было, у меня есть муж, у вас – жена.

– Настенька, мы не в пятнадцатом веке живём, слава богу.

– И это просто случайная связь, интрижка, я слышала это уже!

– Нет!

Звонок телефона показался слишком громким.

– Приёмная Уварова... – Настя не договорила, кинулась отвечать на телефонный звонок, будто пряталась в нём. – Да, да, конечно, – её глаза расширились по мере монолога на том конце провода. – Я скажу.

– Настя?

– Пожар.

– Какой пожар?

– Восемнадцатый цех. Повышенный уровень опасности.

– Твою... – Роман Дмитриевич присел на стул, как подкошенный, не помня, что он говорил до этого и кому.

– Да, – машинально он ответил на звонок сотового. – Сообщили, буду, – он отбил звонок. – Настя, вся документация, что может понадобиться, в течение семи минут. Жду в ма-

шине, – с этими словами Роман вышел из кабинета.

Восемнадцатый цех. Вредное, взрывоопасное производство, его специально вынесли при постройке, год назад, за черту города. Он ещё не работал в полную силу, технические и экономические трудности не давали развернуться, но в само производство было вложено изрядное количество сил, средств и трудозатрат. Шёл разгар рабочей смены, а значит, возможны жертвы...

Олег уже был на месте происшествия, присутствие Романа мало что решало на этой стадии, но он должен быть там. Настя юркнула на заднее сидение рядом с Романом, протянула документацию, план пожарной эвакуации попался на глаза первым, как насмешка. Роман переговаривался по телефону, подгонял водителя, пытающегося преодолеть пробку, образовавшуюся из-за пожара на практически градообразующем предприятии.

– Что?

– Сколько?

– Возможные жертвы?

Он говорил коротко, задавал вопросы лаконично, борясь с собой, чтобы не выскочить, не отправиться пешком в сторону пожара, запах гари от которого уже растекался по городу.

– Еду я, пробка, – ответил он Олегу, кинув взгляд на бледную Настю.

Губы, с уже съеденным блеском, прокушенные до крови от того, что она жевала их без остановки, с нездоровой сине-

вой на фоне бледного до зелёного оттенка лица. Отчаянный тремор рук, посиневшие ногти. Настя сидела ровно, словно проглотила кол, и, казалось, не дышала.

– Настя?

Она не отвечала и не слышала.

– Настя!

Она не отвечала, нижняя губа затряслась, как у ребёнка, взгляд, полный ужаса, первобытного отчаяния, был устремлён куда угодно, но не на Романа.

– Настя, кто у тебя там?

Она всхлипнула.

– Насть?

– Ва... Ва... Ваня...

– Ваня? Кто этот Ваня?

– Му-у-у-уж, – тут Настя протяжно заскулила и, обхватив себя руками, начала покачиваться из стороны в сторону. – Бог меня наказал.

– Этого ещё не хватало. Кем твой Ваня работает?

Настя молчала, только бормотала что-то маловразумительное про свою вину, какую-то кару.

– Кем работает Иван? – не выдержал Роман, закричал.

– Водитель он, на газели, – раздалось с водительского места.

– Водитель... Отлично. Настя, слышишь, водитель! Значит, что? Машина ездит туда-сюда, туда-сюда, его там может и не быть, так, Анатолий? – сказал он громко своему вре-

менному водителю.

– Да сто пудов, – Анатолий для достоверности кивнул. – Уехал он, за... За заказами поехал.

– Нет, – прошептала Настя. – Он трубку не берёт, это всё я... – она заплакала.

– Анастасия Павловна, хватит на рабочем месте разводить сырость. Ваши домашние проблемы никого не интересуют. Вы – мой ассистент, будьте любезны исполнять свои служебные обязанности! – Рывкнул Роман Дмитриевич под удивлённым взгляд Анатолия и расширенные глаза Насти. – Дозвонитесь в МЧС и Олегу Семёновичу, и харе мужика раньше времени оплакивать! Устроила тут...

Настя всхлипнула ещё пару раз и начала судорожно набирать номер на панели телефона.

Так, набирая номер, передавая трясущимися руками необходимые документы, Настя вроде бы успокоилась, вздрагивала лишь временами. Цвет лица из зеленоватого стал обыкновенно бледный.

Не так и плохо в её ситуации, подумал Роман. О своей ситуации он не думал, не сейчас.

Через несколько часов пожарные расчёты отъезжали от места происшествия. Зеваки, коих набралось немало, и их не пускали за зону оцепления, разбрелись по домам. Родственников пострадавших отвезли в местный Дом Культуры для беседы. Олег докуривал вторую пачку сигарет.

Роман, после разговора с начальником по пожарной без-

опасности, молча смотрел на отблески огня, на душе его было удивительно спокойно. Временное затишье перед бурей, эдакий манёвр нервной системы, чтобы не сойти с ума.

Взгляд упал на перекорёженную газель. Роман вспомнил, как не своим голосом закричала Настя, увидев эти железки. Как вместо того, чтобы двинуться к Олегу, оценить масштаб происшествия, он держал в руках Настю, оказавшейся на удивление сильной и голосистой настолько, что суматохе оборачивались люди, в удивлении глазели, как владелец компании удерживает брыкающуюся молодую женщину, которая кричит, пытается кусаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.